

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2007
XVI**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
379
EXPRESS-ISSUE**

2007 № 379

СОДЕРЖАНИЕ

- 1279-1291 Птицы и пространство. Н. А. ГЛАДКОВ
- 1291-1294 Материалы по биологии размножения
серой славки *Sylvia communis*.
И. В. ПРОКОФЬЕВА
- 1294-1295 Особенности гнездования варакушки
Luscinia svecica на севере Нижнего Поволжья.
Е. В. ЗАВЬЯЛОВ и др.
- 1296-1297 Гнездование речной крачки *Sterna hirundo*
в антропогенных местообитаниях поймы
Нижней Оби. С. П. ПАСХАЛЬНЫЙ
- 1298-1302 Анатолий Фёдорович Ковшарь (К 70-летию
со дня рождения). С. Н. ЕРОХОВ и др.
- 1302-1303 Распространение грача *Corvus frugilegus* на
севере таёжной зоны. Н. И. АСОСКОВА,
В. М. КОНСТАНТИНОВ
- 1303 Встреча стерха *Grus leucogeranus* в приобской
лесотундре. В. Н. РЫЖАНОВСКИЙ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XVI
Express-issue

2007 № 379

CONTENTS

- 1279-1291 Birds and space. N. A. GLADKOV
- 1291-1294 Data on breeding biology of the whitethroat
Sylvia communis. I. V. PROKOFJEVA
- 1294-1295 To breeding of the bluethroat *Luscinia svecica*
in northern part of the Low Volga region.
E. V. ZAVJALOV *et al.*
- 1296-1297 Breeding of the common tern *Sterna hirundo* in
technogenous territories of Lower Ob river flat.
S. P. PASKHALNY
- 1298-1302 A. F. Kovshar – 70 years.
S. N. EROKHOV *et al.*
- 1302-1303 Distribution of the rook *Corvus frugilegus*
in northern taiga. N. I. ASOSKOVA,
V. M. KONSTANTINOV
- 1303 Record of the Siberian white crane
Grus leucogeranus in Ob forest-tundra.
V. N. RYZHANOVSKY
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Птицы и пространство

Н.А.Гладков

*Второе издание. Первая публикация в 1960**

В одной из старых популярных книг, посвящённых полёту птиц, приведены такие слова: «В небе нет ни дорог, ни препятствий – лети, куда хочешь!». Эти слова хорошо выражают общее представление о большом совершенстве такого передвижения, как полёт. Ими подчёркивается также и полная «свобода» существа, обладающего полётом: «Лети, куда хочешь!». Именно потому в нашем языке и бытует такой термин, как «вольная птица». Конечно, в этом смысле звери такие же вольные существа, как и птицы. Однако дело не только в этом. Термин «вольная» применяется чаще всего именно к птицам и как раз потому, что птица будто бы действительно свободна от многого, что связывает других, нелетающих животных, что она имеет перед ними какие-то дополнительные преимущества, хотя бы в отношении возможностей расселения и его конечного результата – широкого географического распространения. Быть может, в борьбе за жизнь.

Однако уже можно считать выясненным, что полёт не следует рассматривать как некую дополнительную способность животного, дающую ему особые преимущества перед нелетающими. Дело обстоит совсем иначе. Полёт – это, если можно так выразиться, свойство слабого, которое известным образом уравнивает ему шансы в борьбе за жизнь. Это положение сформулировано ещё в старой арабской книге «Аджаиб махлукат», что значит «Чудеса творения».

Что касается возможностей расселения и географического распространения птиц, то этот вопрос теперь тоже относительно ясен. Особыми преимуществами в этом отношении летающие животные, птицы, перед нелетающими, например млекопитающими, не обладают.

Когда говорят об экологических особенностях птиц, вытекающих из полёта, то часто допускают большие преувеличения и неточности, упуская из виду, что нет полёта «вообще», что разнообразные возможности, которые птицам даёт полёт, конкретизируются у отдельных видов или групп видов весьма ограниченно. Мысль эта уже неоднократно высказывалась в печати, но, кажется, ещё недостаточно проникла в наше сознание. Развивая её далее, можно сказать, что полёт – действительно весьма важная отличительная черта живого существа. И всё же не полёт определяет основные биологические связи птицы: он име-

* Гладков Н.А. 1960. Птицы и пространство // *Орнитология* 3: 7-16.

ет в известном смысле лишь подчинённое значение, будучи ограничен у каждого вида птиц его специфическими экологическими потребностями.

Применительно к интересующей нас теме можно сказать, что не полёт определяет отношение птицы к пространству, а скорее наоборот. Птица, как всякое живое существо, имеет определённые территориальные связи. Способность птицы при выполнении своих каждодневных функций прибегать к полёту имеет существенное значение в характере освоения территории (главным образом в её объёмном освоении), но физическая способность к большим пространственным перемещениям не делает эти связи с территорией более слабыми, чем у многих нелетающих животных.

Приведём некоторые сравнения. Птица широко использует толщу воздуха для своего перемещения, как рыба использует для этого толщу воды. Однако рыба, на первый взгляд, находится по сравнению с птицей в худшем положении. Например, смешение фаун Атлантического и Тихого океанов невозможно из-за барьера в виде материковых масс Америки. В открытом океане тоже существуют препятствия для широких перемещений и смешения фаун. Так, возможности передвижения теплолюбивых рыб ограничиваются распространением более холодных вод, причём иногда речь может идти о различии всего в 2-3°C. Для стеногалинных рыб вода с иной солёностью – тоже препятствие. Таким образом, как физическая среда для передвижения, вода – везде вода, и тем не менее экологически она расчленяется на отдельные участки, ограничивающие возможность передвижения рыб и тем самым определяющие многие пространственные связи у этих животных. На первый взгляд кажется, что птицы в указанном отношении более свободны. Атмосфера облекает весь земной шар равномерно. А разве есть препятствия для перемещения по воздуху, скажем, из пространства над Тихим океаном в Атлантический? И не подтверждают ли случаи не столь уж редкого залёта американских птиц к западным берегам Европы свободу перемещения птицы с одного на другой через океан?

По поводу этих залётов опубликовано несколько исследований, вскрывающих детали явления. Залёты происходят в определённое время года – в период сезонных миграций. Птицы, совершающие полёт у восточных берегов Северной Америки над морем, при сильно западном ветре попросту «выдуваются» с этой трассы. Разумеется, птицы стараются держаться в воздухе и над морем, причём некоторым удаётся это до тех пор, пока ветер не донесёт их к западным берегам Европы. Много подобных стай, небольших групп и одиночных птиц внимательные наблюдатели замечают над океаном на таком расстоянии от берега, которое явно превышает летательные возможности птицы и исключает возможность произвольного залёта. Подобным же образом,

как показывают исследования Уильямсона, многие птицы «выдуваются» на запад из Северного моря во время перелётов, только обычно они не достигают материка. Впрочем, широко известен случай заноса штормовым ветром в Гренландию стаи чибисов *Vanellus vanellus* из Ирландии в 1927 году.

Приведённые случаи отнюдь не свидетельствуют о высоких летательных способностях птицы, позволяющих им будто бы преодолевать значительные пространства. Скорее наоборот; они доказывают, что воздух – не нейтральная среда для передвижения. И в том случае, когда поверхность внизу неблагоприятна для посадки и когда требуется лететь много дальше, препятствием может оказаться само расстояние. Более того, в некоторых случаях воздух может оказаться своего рода ловушкой для птиц.

Сказанное относится прежде всего к «плохо» летающим птицам, главным образом к воробьиным, которые при дальних перелётах обычно летят с частыми передышками. Во всех случаях, однако, надо помнить, что летательные способности птиц в отношении скорости, высоты и дальности полёта без посадки обычно сильно переоцениваются.

Обратимся теперь к так называемым «хорошим» летунам, т.е. к тем птицам, которые способны длительно находиться в воздухе и, следовательно, не боятся больших расстояний. Однако и для них воздух не является нейтральной средой для передвижений. Отдельные слои атмосферы нередко оказываются недоступными для парящего полёта и служат парящим птицам таким же препятствием, как и отдельные участки гидросферы при передвижении и расселении рыб.

Однако при сравнении водной и воздушной среды надо помнить и о наличии существенных различий. Для рыб, по-видимому, любая или почти любая часть гидросферы гидродинамически проходима. Непроходимость определяется экологическими причинами: пойкилотермностью рыб, определяющей их стенотермность, и стеногалинностью. Птицы же гомотермны и в достаточной степени эвритермны. В этом отношении воздух для них действительно не препятствие. Но он представляет для них в ряде случаев препятствие, как это ни странно на первый взгляд, в аэродинамическом, т.е. в физическом отношении. Это, следовательно, препятствие такого же порядка, как суша для водных животных и вода для наземных.

Такие могучие летуны, как грифы, не в состоянии преодолеть столь небольшую акваторию, как Адриатическое море. Океанические птицы не могут летать над материком. Более того, многие из них и над морем летают не так уж свободно, а хотя и неустойчивыми, постоянно меняющимися, но всё же определёнными «путями». Так и материковые птицы, в особенности парящие, имеют свои «пути» и свои препятствия в воздухе.

Итак, отправные слова о том, что птицы будто бы летят, куда хотят, без дорог и препятствий, необоснованны. Обладая полётом, птицы не становятся абсолютно независимыми в своих передвижениях. В воздухе существуют препятствия и «дороги», которые так или иначе влияют на пространственное распределение птиц и на их перемещения. К вопросу о «дорогах» мы ещё вернёмся. А пока перейдём к нашей главной теме: «Каково же отношение птиц к пространству, к территории?».

Нет надобности напоминать, что каждый вид птиц имеет свою территорию (ареал), на котором он живёт. В пределах ареала вид занимает лишь свойственные ему биотопы. Особенно важно, далее, распределение особей внутри биотопа. Как известно, виды, гнездящиеся не колониально, а отдельными парами, занимают внутри биотопа гнездовые участки. Если биотоп имеет, скажем, идеальное строение, равномерен во всех своих частях, а птиц достаточно, то биотоп покрыт гнездовыми участками относительно равномерно. Эта равномерность определяется территориальными потребностями птицы.

Всё сказанное общеизвестно и пока не даёт особой пищи для размышлений с интересующей нас точки зрения. Каждая птица где-то гнездится, а что из этого следует? Но если вспомнить, что распределение птиц по биотопам сохраняется с известным постоянством годами и что это постоянство поддерживается гнездованием пары на одном и том же участке на протяжении ряда лет, то есть, если мы затронем вопросы гнездового консерватизма, то сразу столкнёмся с тем обстоятельством, что птицы, обладая благодаря полёту возможностью свободно перемещаться, не пользуются ею столь широко, как это многие думают. Территориальные связи птицы стесняют пользование полётом для перемещения.

Оставим в стороне важный, но в данном случае несущественный для нас вопрос о поведении птиц на гнездовом участке (защита участка, его величина, строение, симметрия и т.д.). По этому поводу существует много разных суждений, нередко противоречивых. Но нас они сейчас не интересуют. Это особенно хорошо выясняется, как только мы переходим к размещению птиц во внегнездовое время. «Территориализм» и здесь существует, но многие соображения, которые возникают, когда речь идёт о гнездовой территории, в данном случае не применимы.

Относительно многих видов известно, что и зимой они держатся одних и тех же географических мест. Некоторые особи обнаруживают при этом такое постоянство, что, будучи перевезены в другое место, вновь возвращаются назад. Менее известно, что некоторые виды ведут на зимовке территориальный образ жизни, сходный с их поведением в гнездовое время. Зарянки *Erithacus rubecula*, например, охраняют зимний участок и даже поют на нём.

Стайные птицы тоже проявляют на зимовках определённый территориализм. Я не говорю уже о широко известном факте, что каждая популяция имеет своё место зимовок. Речь идёт о другом. В данном случае имеется в виду использование территории «по маршруту».

Хорошие примеры в этом отношении дают врановые птицы. На зимовках места ночёвки и кормёжек у них разделены. Эти места постоянны, как постоянны и пути перелёта между ними. При этом интересны некоторые детали. Так, вороны *Corvus cornix* кормятся на свалках разреженно, причём распределение особей в пределах кормёжки носит, видимо, случайный характер. Но на ночёвку вороны возвращаются всегда, предварительно собравшись в довольно большие стаи. Эти стаи формируются на «местах сбора» и лишь оттуда, а не с того места, где каждая птица кончила вечером кормиться, они летят на ночёвку. Отлёт с места ночёвки и вечернее возвращение к ним производится в одно и то же время, «по часам», с некоторыми поправками на пасмурность или ясность погоды. Подобный же довольно строгий распорядок использования территории в зимнее время и «маршрутное» передвижение по ней описаны и для некоторых видов чаек.

Во время сезонных миграций территориализм у птиц проявляется тоже довольно резко. Многие исследования показывают, что некоторые виды птиц, в особенности так называемые хорошие летуны (парители), держатся пролётных путей или хотя бы отдельных их участков, которые определяются аэродинамическими причинами, а именно состоянием атмосферы. Это – настоящие «пути» для птиц в воздухе, а где подобных «путей» нет, там нет и пролёта, так как парящие птицы не могут летать длительное время там, где воздух их «не держит». В данном случае территориализм проявляется в связи с отсутствием у птиц свободы в использовании воздуха как среды для передвижений.

Это явление уже достаточно известно лишь применительно к определённой категории птиц, а именно к парителям. А как поступают во время сезонных миграций птицы, которые не нуждаются в подобных аэродинамических дорогах? Теперь всё чаще приходится слышать, что пролётных путей не существует и что птицы обычно летят «широким фронтом». При этом «широкий фронт» представляется как своего рода сеть направлений перелёта, покрывающая транзитную территорию. Вероятно, для вида в целом такое представление во многих случаях оправдывается. Но даже и в этом случае отдельные группы особей, видимо, отдельные популяции, летят, можно сказать, от одной вехи к другой, причём эти вехи из года в год постоянны.

Таким образом, птицы имеют территориальные связи на протяжении всего года: в гнездовое время, на зимовках и во время сезонных миграций. Эти территориальные связи осуществляются преимущественно посредством полёта. Но следует опять напомнить, что не полёт

определяет форму и конкретное проявление этих территориальных связей: он подчинён основным чертам биологии птицы. С другой стороны, конечно, та или иная способность к полёту, конкретный его тип в свою очередь влияет на многие черты биологии птицы, но это влияние сказывается не в том, что полёт ослабляет или расширяет пространственные связи птицы.

Территориальные связи птиц разнообразны. Они могут быть выражены то резче, то слабее. Относительно немногого, что уже известно в этой области, по существу следует считать только первыми штрихами, которые, однако, позволяют утверждать, что явление территориализма у птиц – большая и сложная проблема, требующая серьёзного изучения.

Уместно сделать несколько предостережений. Неправильно и вредно для дела стремление заменить изучение территориализма у птиц во всём его разнообразии подробным изучением этого явления на двух-трёх наиболее удобных для этого объектах и затем распространять результаты этого изучения на всё явление. Подобные попытки обобщения вопроса приводят к противоречию с фактами. Особенно надо предостеречь от связывания вопросов об определении понятий гнездовая территория, или кормовая территория, о борьбе за эту территорию и смысле этого явления с общими вопросами территориализма у птиц. Только что перечисленные вопросы очень интересны. Они могут быть разрешены в том или ином направлении. Но любое их разрешение не может вызвать сомнений в наличии у птиц постоянно существующих и из поколения в поколение повторяющихся территориальных связей.

Отвлекаясь несколько в сторону, напомним о большом практическом значении территориализма у птиц, в частности, гнездового консерватизма.

Хозяйственнику, который привлекает полезных птиц на гнездовье, необходима уверенность, что размноженные им, скажем, скворцы *Sturnus vulgaris*, на следующий год будут совершать свою полезную работу у него же, а не перелетят гнездиться куда-то ещё. Охотничьи организации должны знать, что в случае истребления «своей» популяции охотничьих птиц, они не могут рассчитывать на сколько-нибудь значительный приток дичи «си стороны». Надо также знать, основывается ли привлечение птиц в искусственные гнездовья исключительно на использовании «внутренних резервов», т.е. на холостых птицах, не нашедших места для гнезда, или и на привлечении птиц из других мест. Таким образом, вопросы охраны и привлечения полезных птиц, как и ряд вопросов правильного ведения охотничьего хозяйства, разрешаются по-разному в зависимости от того, есть ли у птиц террито-

риализм или же они представляют собой крылатых «бродяг», свободно меняющих места своего жительства.

Явление территориализма у птиц приобретает для нас особенное значение благодаря определённому постоянству, которое обычно называют консерватизмом. Есть гнездовой консерватизм, консерватизм пролётных путей и консерватизм зимовок. Названный консерватизм проявляется не только в постоянстве территориального поведения особи, но и в постоянстве территориального поведения популяции: особи сменяют друг друга из поколения в поколение, но территориальные привязанности остаются теми же.

Последнее может навести на мысль о наследовании территориальных связей у птиц. Нам думается, однако, такой далеко идущий вывод делать не следует. Конкретные проявления территориализма у птиц устойчивы, но эта устойчивость всё же относительна. Всё то время, пока устойчиво повторяются обстоятельства, которые определяют конкретные проявления территориализма, последние повторяются весьма устойчиво из поколения в поколение, что и создаёт впечатление наследования. Но перемена условий может изменить и действительно изменяет форму проявления территориализма. Фактов в этом направлении собрано достаточно. Таким образом, наследственна только вытекающая из самого существа биологии птицы способность устанавливать определённые территориальные связи. Это – биологическая необходимость, которая не снимается способностью к полёту. На основе видовых особенностей птиц конкретные связи формируются у каждого поколения можно сказать заново, сообразно обстановке, но стереотипно повторяясь, поскольку обстановка более или менее постоянна.

Конечно условия существования животных не бывают абсолютно постоянными. Однако всегда надо уметь отделить существенные их изменения от несущественных. При этом существенные условия могут действовать иногда лишь в определённые моменты годового цикла жизни птицы. Всё это ещё подлежит изучению. Давно известно, что условия, действующие на птицу в первые недели её жизни, вызывают обычно наиболее существенные изменения в стереотипе поведения. Полагаю, что территориализм птицы вполне можно отнести к той же категории явлений, т.е. к стереотипу поведения. Чем старше птица, тем труднее у неё возникают новые территориальные связи. Этим, конечно, и объясняется то общеизвестное обстоятельство, что гнездовой консерватизм у старых птиц выражен значительно резче, чем у годовиков. Взрослые птицы при сколько-нибудь резких изменениях территориальных связей, видимо, по большей части погибают.

Взрослую птицу можно «вырвать» из свойственной ей системы территориальных связей. Дальнейшая её судьба после этого может быть различной. Случай, когда окольцованная оседлая или ограниченно

кочующая птица оказывается иногда за тысячу или более километров от места кольцевания, следует объяснять тем, что птица случайно оказалась вне своей системы передвижения, заблудилась в прямом смысле слова. Оседлая птица всегда труднее находит свою территорию, нежели перелётная, и «заблудиться» ей легче. Не так уже редки случаи, когда птицу «выдувает» ветром из её пролётных путей или с её обычной территории. Если такое «выдувание» происходит постоянно, оно может закончиться укоренением вида на новом месте, т.е. расширением ареала. Впрочем, перенос ветром северо-американских птиц в Европу к укоренению не приводит. Вероятно, нужна большая массовость подобного заноса.

Известны и случаи «выноса» птиц из присущей им системы передвижений, производимые человеком в экспериментальных целях, но об этом несколько позже.

Изучение территориального консерватизма у птиц неизбежно приводит к понятию элементарной популяции (это хорошо показано Ю.А. Исаковым). Позднее жизнь элементарной популяции исследовал В.М. Поливанов; хорошие материалы по затронутому нами вопросу мы находим в работах Г.Н.Лихачёва.

Как известно, в настоящее время в орнитологической литературе выдвигаются серьёзные возражения против теории элементарной популяции и против преувеличения роли гнездового консерватизма у птиц. От этих возражений нельзя отмахиваться, поскольку факты, на которые они опираются, по большей части вполне обоснованы. Однако теория элементарной популяции и гнездового консерватизма опирается на хорошо проверенные факты, добытые в результате продуманных и систематических исследований. Поэтому, что бы ни говорили отдельные, по большей части случайные наблюдения против гнездового консерватизма, значение этих фактов несоизмеримо.

Любая наука, в том числе орнитология, располагает большим обилием разнородных и нередко противоречивых фактов. Их можно произвольно группировать в различные, порой взаимоисключающие системы. И дело не в том, что имеется какое-то количество фактов, подтверждающих ту или иную идею, а в их значимости. Чтобы обоснованно подвергнуть сомнению теорию элементарной популяции, опровергнуть её, видоизменить или несколько ограничить, нужно противопоставить уже имеющейся совокупности исследований другую аналогичную же совокупность исследований, а не отдельные факты.

Возражения против теории элементарной популяции и гнездового консерватизма, с которыми следует считаться всерьёз, имеют, на наш взгляд, определенный смысл. Они показывают прежде всего, что территориальный консерватизм птиц следует понимать в более широком смысле, чем это обычно делается, что выводы, полученные на одних

видах птиц, не следует обобщать и переносить на другие. Они показывают также, что в этом явлении имеется две стороны, неотделимые друг от друга так же, как неотделимы наследственность и изменчивость. Наличие изменчивости не опровергает самого явления территориализма, скорее наоборот, можно сказать предусматривает его. Но факторы этой изменчивости пока не изучены. Немалым тормозом в изучении этих факторов служит, по-видимому, то, что все случаи изменчивости территориализма, все «уклонения» от него рассматривались обычно как аргументы против самой теории территориализма, а не как повод для более полного исследования явления.

Как бы узко ни понимали некоторые исследователи гнездовой консерватизм птиц, какое бы абсолютное значение ему ни придавали, никому не может придти в голову вывести в качестве логического следствия отрицание возможности расселения птиц. Уже одно это обстоятельство показывает, что территориальный консерватизм птиц должен всеми восприниматься как относительное явление. Однако одной этой констатации недостаточно. Явление расселения птиц должно изучаться в его взаимосвязи с территориальным консерватизмом, а этого пока не делается. Пока известно лишь то, что расселение птиц идёт в общем теми же темпами, как и у многих других нелетающих животных. Оно происходит постепенно, и те территории, которые легко пересекаются птицами во время сезонных миграций, нередко служат препятствием для расселения, если их нельзя преодолеть путём постепенного заселения.

В настоящее время расселение птиц происходит преимущественно на основе медленного приращения территорий, пригодных для заселения, в связи с постепенным изменением условий существования. В отдельных случаях известны, правда, и очень быстрые расселения (кольчатая горлица *Streptopelia decaocto*, египетская цапля *Bubulcus ibis*). Чем это объяснить – пока неизвестно. Напомним, что кольчатые горлицы интенсивно размножаются, а это может приводить к тому, что гнездовой консерватизм у них временно подавляется. Опубликовано много статей, посвящённых расселению кольчатой горлицы; однако в них освещается главным образом вопрос о темпах расселения, а «техника» остаётся по существу не вскрытой. Известно всё же, что кольчатые горлицы делают «прыжки», по-видимому, до 800 км. Известно также, что возможность их расселения с Балкан на север Европейского материка открылась сравнительно недавно в результате некоторых перемен в биотопических привязанностях птицы. Но во всяком случае территориальный консерватизм горлицы в данном случае, видимо, отошёл на второй план (хотя горлица как оседлая птица, совершив однажды расселение, в дальнейшем остаётся на месте, и следующий «прыжок» совершается уже её потомством).

В таком случае возникает новый вопрос о том, как и при каких обстоятельствах подавляется территориальный консерватизм птицы. Данных для суждения об этом вопросе у нас пока нет.

Большое значение для понимания территориализма в широком смысле слова имеет изучение ориентировки птиц в пространстве. Это большая и самостоятельная проблема со своими специфическими методами. Но в конечном счёте вопрос об ориентировке птицы есть всё же часть вопроса о её отношении к пространству.

Обычно различают ориентировку на близкие и далёкие расстояния. Первая совершается по схеме, которую можно назвать «от предмета к предмету»: птицы ориентируются на один предмет и от него перелетают к другому. По-видимому, такого рода ориентировка распространена шире, чем это обычно предполагают. Так, многие птицы находят своё гнездо именно по этой схеме, подобным же образом они передвигаются в пределах своего гнездового участка, а нередко и во время сезонных миграций. Даже такой любопытный случай, как ориентировка птиц по солнцу или по звёздному небу, по-видимому, есть частный случай (хотя и весьма специфический) ориентировки от предмета к предмету.

Есть, однако, случаи, когда непосредственная ориентировка по предметам, по солнцу или по звёздам оказывается невозможной. Кайра *Uria* «выныривает» весной из густого тумана и появляется точно у своего прошлогоднего гнездового уступа. Птицу можно взять с гнезда и отвести от него так, чтобы она действительно не знала никаких ориентиров, и тем не менее она возвращается к гнезду. Подобным же образом она возвращается и на «свой» участок на зимовке.

Птицы, видимо, чувствуют пространство лучше, чем нелетающие животные, ибо они живут в пространстве, постоянно пользуясь третьим измерением (солнце и звёзды тоже входят в это пространство). Вероятно, имеется и соответствующая система восприятия пространства, которая помогает возврату транспортированных от гнезда птиц (система, возможно, не столько морфологическая, сколько биофизическая). На этом основании можно говорить, правда, пока условно, о наличии у птиц «чувства пространства». Ещё не так давно ссылка на «чувство пространства» могла бы вызвать ироническое отношение как к пустому термину, за которым скрыто наше незнание. Однако в данном случае дело обстоит иначе. Мы полагаем, что, пользуясь методами биофизики, вполне можно понять, какие именно сигналы дают знать птице, в каком направлении находится её гнездо. Однако эти методы далеко выходят за пределы тех возможностей, какими располагает натуралистическая орнитология. Для разработки подобных вопросов нужна помощь извне.

В этом отношении можно высказать лишь следующее. Одни птицы, очевидно, обладают известным «чувством пространства», что обеспечивает им возможность придерживаться своей территории, другие – строго придерживаются её по принципу «от предмета к предмету». И то и другое есть территориализм, правда, на разной основе. Впрочем, оба эти принципа не исключают друг друга и, вероятно, проявляются у одних и тех же видов птиц в разной пропорции.

Положение осложняется тем, что чувство пространства не всегда приводит птицу обратно к её территории. В некоторых случаях можно говорить о чувстве направления, которое позволяет птицам «найтись» в новом для неё месте и правильно вести себя в нём соответственно времени года. Это и есть тот случай, который имелся в виду, когда выше говорилось о нарушении территориальных связей.

Известны случаи, когда птица, вынесенная во время перелёта в сторону, за пределы своего пути, продолжает его дальше по тому же азимуту, пролетает примерно то же расстояние, как будто ничего не случилось, и останавливается на новом месте зимовок (или гнездовий), примерно на расстоянии обычного перелёта. Это не опровергает территориализма, но ещё раз показывает, что конкретные формы связи с территорией подвержены изменениям. При этом птица, так сказать, «забывает» о своих вехах, о солнце и о звёздах, и приобретает новые пространственные связи.

Но бывает и совсем иначе: «вехи» оказываются главным фактором ориентировки, и изменение их положения меняет направление передвижений птицы. Птицы, выпущенные в пролётное время в планетарии в условиях ночного звёздного неба, начинают летать по обычному для данного сезона направлению. Но стоит сместить звёздное небо планетария на 180° , как птицы устремляются в направлении, прямо противоположном тому, по которому им следовало бы лететь в естественных условиях. Следовательно, в данном случае «чувство пространства» не проявляется.

Всё это говорит о большом разнообразии явлений ориентировки и об опасности механического переноса выводов из наблюдений над одними видами к другим видам и с одних условий на другие условия.

Таким образом, мы приходим к выводу, что устойчивость пространственных связей у вида (особи) несомненна, но она не абсолютна, а относительна. Знание экологии птицы и природы пространственных связей позволяет разрушать одни устойчивые связи и создавать новые, тоже устойчивые. Подобная перестройка связей, конечно, происходит и в природе. Однако не всякое изменение внешних условий приводит к указанной перестройке: нередко птица гибнет. Всё это создаёт противоречивость в исследованиях по территориальному консерватизму птиц. Одни наблюдения говорят о полноте консерватизма, а другие о

том, что наряду с консерватизмом имеется и лабильность в отношении к территории, притом весьма значительная.

Изложенное выше ещё не приводит нас к разрешению вопроса, а лишь намечает основные вехи явления. Абсолютизация территориального консерватизма – ложное направление в изучении экологии птиц. С другой стороны, и отрицание территориального консерватизма никогда не позволит вскрыть истинную сущность размещения птиц и их передвижений. Понимание явления достижимо путём изучения реакции птиц на территорию с широким применением биофизических методов исследования. Но биофизика только средство; в основе изучения должно лежать выяснение биологической специфики явления (у каждого вида своей).

Добавим ещё, что после того, как общая картина территориальных отношений птиц будет более или менее выяснена, дальнейшее накопление фактов вряд ли приведёт к разрешению возникающих противоречий. Необходим новый принцип исследования, который, на наш взгляд, должен быть основан на детальном изучении экологии птицы. К новой оценке явления может подвести нас изучение поведения птицы во всех его частностях.

Иногда можно слышать, что усиление внимания к частностям следует расценивать как признак того, что данная наука (зоология) себя исчерпала; что общие закономерности уже выяснены, остаётся лишь шлифовать детали и мало интересные с общей точки зрения подробности. Это утверждение в корне неверно. Ведь общая картина явления рисуется всё же на основе приблизительного знания. При этом часто игнорируются отдельные факты, противоречащие схеме. Их игнорируют ещё и потому, что на этом уровне познания исследователь не видит, как внимание к этим противоречиям и их раскрытие позволяют понять явление на новой более глубокой основе. В результате те закономерности, которые мы рассматриваем сейчас как заключительный этап исследования, окажутся только необходимыми предварительными схемами, отправными точками исследования. В ряде отраслей зоологии мы можем видеть теперь, что первые же умелые исследования частностей вскрывают значительно большее разнообразие и противоречивость явления, чем это кажется по схеме. Они указывают, что общую основу явления надо искать глубже. Это «глубже» приводит нас к пониманию общебиологических связей во всех специфических проявлениях жизни. Названные общебиологические связи нельзя понять без биохимических и главным образом биофизических методов исследования. Но для нас, зоологов, ясно, что эти новые методы вовсе не отодвигают описательное изучение явления на второй план. Наоборот, внимание ко всем мелким и мельчайшим подробностям должно быть

усилено, так как в противном случае биохимикам и биофизикам придётся изучать абстрактное, следовательно, не существующее явление.

Таким образом, исследование частных случаев каждого явления в зоологической науке является не эпигонством, а новым, более совершенным этапом в познании окружающего мира. Умелая работа в этом направлении, уточняющая внешнюю сторону явления, ведёт к пониманию того, что в каждом отдельном случае специфически проявляются общие свойства живого. А это и подводит нас к управлению явлением.

Нам кажется, что отношение животного к пространству – весьма благодарная тема для указанного выше направления в исследовании.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск 379: 1291-1294

Материалы по биологии размножения серой славки *Sylvia communis*

И.В.Прокофьева

Российский государственный педагогический университет,
Набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Поступила в редакцию 9 октября 2007

Серые славки *Sylvia communis* в Ленинградской области не так многочисленны, как садовые *S. borin* и черноголовые *S. atricapilla*, но тем не менее являются обычными птицами. С 1957 по 1989 г. мы нашли 23 их гнезда. Кроме того, во время работы в Балашовской области в 1953 г. было обнаружено ещё 2 гнезда этих птиц.

Серые славки заселяют различные биотопы, за исключением густых лесов и открытых пространств (табл. 1). Поскольку обычно они устраивают гнезда в кустах, то больше всего их гнезд находится в поймах рек, на полянах и опушках. В литературе есть сведения также о том, что нередко эти птицы гнездятся в сенокосных угодьях, огородах и на зарастающих ивой пляжах (Музаев 1980).

Обычно серые славки располагают свои гнезда на кустах и иногда в траве. Однако, как показывает таблица 2, случается, что гнезда устраиваются также на кочках и прямо на земле. Наземные гнезда находили и другие исследователи (Мальчевский, Пукинский 1983). В нашем случае большинство гнезд найдено на подросте и кустарниках (15 гнезд). То же самое отмечено и в Калмыкии (Музаев 1999). Однако в других условиях серые славки могут предпочитать гнездиться на тра-

вянистых растениях (Музаев 1980; Фертикова 2000). Мы в траве нашли в Ленинградской области 5 гнёзд, а в Балашовской – 2.

Таблица 1. Биотопы гнездования серой славки *Sylvia communis*

Биотоп	Число гнёзд
Заросли кустарников, молодых берёзок и ольхи	1
Кустарники на окраине деревни	1
Кустарники в пойме	2
Ольховый кустарник на пойменном лугу	1
Поляна с отдельными кустами	1
Опушка по краю поймы	1
Болото, заросшее кустами и ивняком	1
Луг с редкими кустами	5
Кустарник по канаве в пойме	1
Шиповник на краю канавы в пойме	4
Пойма реки Луги	3
Берег реки Луги	1
Берег Луги со снятым дёрном и молодыми зарослями ивы и ольхи	1

Таблица 2. Места расположения гнёзд серой славки

Место	Число гнёзд	Место	Число гнёзд
Ольха	4	Малина	1
Ива	2	Таволга	1
Вишня	1	Трава	4
Липа	1	Кочка	2
Шиповник	5	Земля	1
Крыжовник	1		

Таблица 3. Высота расположения гнёзд серой славки

Высота, см	Число гнёзд	Высота, см	Число гнёзд
0	1	30	3
5	3	35	1
10	6	50	1
15	2	100	1
20	5		

Как правило, серые славки строят гнёзда у самой земли. По литературным данным, максимальная высота их расположения достигает 0.3 м (Мальчевский, Пукинский 1983), 0.55 (Музаев 1999), в отдельных случаях – 0.8 м от земли (Мальчевский 1959). Мы обнаружили одно

гнездо даже в 1 м от земли, тогда как большинство гнёзд располагались на высоте от 0.1 до 0.3 м (табл. 3).

Обычно гнёзда маскируются очень хорошо. Среди всех найденных нами гнёзд лишь одно было замаскировано неважно.

Известно, что в Ленинградской области откладка яиц у серой славки может начинаться в самом конце мая (27 мая 1964, 28 мая 1977) и продолжается до третьей декады июня. Самые поздние кладки начаты 1 июля (Мальчевский, Пукинский 1983). В нашем случае, самые ранние гнёзда с яйцами были найдены 30 мая и 1 июня, самые поздние – 1 и 2 июля, а с новорождёнными птенцами – 4 июля. Отметим, что на Куршской косе появление в гнёздах первых яиц отмечалось только до 12 июня (Кушнирук 1962).

Считают, что в условиях Ленинградской области нет оснований предполагать наличие у серой славки двух нормальных кладок в сезон, несмотря на сильную растянутость (34-35 дней) периода откладки яиц (Мальчевский, Пукинский 1983). Однако в более южных районах, например в Нижнем Поволжье, отдельные пары могут иметь вторую кладку. Так, под Волгоградом в 1997 г. Е.П.Фертикова (2000) наблюдала успешное второе гнездование после успешного первого у двух пар серых славок, помеченных цветными кольцами. Кладки были начаты 15 мая (4 яйца) и 15 июня (3) у одной пары, и 20 мая (5) и 18 июня (5 яиц) – у другой. В 1997 г. здесь из 31 кладок самые ранние (2) были начаты 14 мая, самая поздняя – 26 июня, т.е. весь период откладки яиц занял 44 сут.

Средняя величина кладки у серой славки обычно близка к 5, а мода также составляет 5 яиц (Музаев 1980; Мальчевский, Пукинский 1983; Фертикова 2000). В нашей выборке 1 кладка состояла из 3 яиц, 1 – из 4, 14 – из 5, 3 – из 6 яиц.

Период насиживания (от откладки последнего яйца до вылупления первого птенца), по наблюдениям В.М.Музаева (1999) в Калмыкии в 6 случаях составил 11 сут, а в одном – 10 сут.

Успешность размножения серой славки, как правило, не бывает высокой. Гибнет более 25%, а иногда и более 70% потомства (Кушнирук 1962; Музаев 1999; Фертикова 2000). Часть гнёзд гибнет по вине человека, многие разоряют хищники, к которым, в частности, относятся гадюки *Vipera berus* (Музаев 1980). Мы уже писали о том, что в некоторых гнёздах часть яиц исчезает по неизвестным причинам (Прокофьева 2007). Таких гнёзд у нас было 2. Кроме того, птицы иногда бросают гнёзда (4 случая). Одно гнездо было разорено. В 2 гнёздах погибло по 1 птенцу. В 2 гнёздах содержалось по 1 неоплодотворённому яйцу. Из 2 гнёзд серой славки в Балашовской области одно было брошено, а второе пострадало из-за того, что вокруг него скопили траву.

В заключение следует сказать о том, что поведение серых славок в некоторых отношениях отличается от поведения многих других птиц. Это прежде всего касается деятельности самцов, которые принимают большое участие в строительстве гнёзд. Иногда самец почти до конца выстраивает подряд несколько гнёзд, после чего появляется самка, которая быстро доканчивает постройку одного из них и начинает откладывать в него яйца (Мальчевский 1959).

Литература

- Кушнирук И.Ф. 1962. Биология размножения славок Куршской косы // *Материалы 3-й Всесоюз. орнитол. конф.* Львов: 63-65.
- Мальчевский А.С. 1959. *Гнездовая жизнь певчих птиц; Размножение и постэмбриональное развитие лесных воробьиных птиц Европейской части СССР.* Л.: 1-282.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана.* Л., 2: 1-504.
- Музаев В.М. 1980. *Сравнительная экология, территориальное поведение и годовые циклы некоторых представителей рода Sylvia (Aves).* Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Л.: 1-21.
- Музаев В.М. 1999. Материалы по размножению серой славки *Sylvia communis* в Калмыкии // *Рус. орнитол. журн.* 8 (84): 20-22.
- Прокофьева И.В. 2007. Величина и судьба кладок у славок *Sylvia* и пеночек *Phylloscopus* в Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* 16 (363): 811-815.
- Фертикова Е.П. 2000. Экология серой славки *Sylvia communis* на севере Нижнего Поволжья // *Рус. орнитол. журн.* 9 (96): 3-11.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск 379: 1294-1295

Особенности гнездования варакушки *Luscinia svecica* на севере Нижнего Поволжья

Е.В.Завьялов¹⁾, В.Г.Табачишин²⁾, Н.Н.Якушев¹⁾

¹⁾ Биологический факультет, Саратовский государственный университет, ул. Астраханская, д. 83, Саратов, 410012, Россия

²⁾ Саратовский филиал Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова Российской Академии наук, ул. Рабочая, д. 24. Саратов, 410026, Россия

Поступила в редакцию 8 октября 2007

На севере Нижнего Поволжья варакушка *Luscinia svecica* относится к перелётным гнездящимся видам, селится в зарослях кустарников и тростника по берегам больших и малых рек, других водоёмов искус-

ственного и естественного происхождения. Её численность повсеместно относительно высока (Завьялов и др. 2002).

В последнее время появилось достаточно много сообщений о гнездовании варакушки в необычных местах – в небольших участках тростника или кустарниковых зарослей и даже на сельскохозяйственных землях, особенно на полях технических культур (Laußmann 1992). Нетипичные случаи гнездования варакушки характерны и для севера Нижнего Поволжья.

Так, в 2005-2007 годах наблюдалось гнездование варакушки на заброшенном садово-дачном участке, расположенном в 1.2 км от водоёма в окрестностях села Михайловка (Саратовский р-н, Саратовская обл.). Гнёзда были устроены на земле в зарослях молодой поросли вишни *Cerasus* sp. и сделаны из сухих стеблей злаков, сорных трав и сухих вишневых листьев. Размеры гнезда, мм ($n = 3$): высота 68.5-73.0 (в среднем 70.3 ± 1.45), глубина лотка 45.0-48.0 (46.3 ± 0.88), диаметр гнезда 125.0-138.0 (133.3 ± 4.18), диаметр лотка 64.5-72.0 (68.3 ± 2.34). Через несколько после постройки гнезда во второй декаде мая (19 мая 2005 и 21 мая 2006) самки приступали к откладке яиц. Их полные кладки содержали 6 (2005 г.) и 5 (2006 г.) серо-зелёных с коричневыми крапинками яиц. В середине июня вблизи гнезда встречались уже лётные птенцы. В 2007 г. самка приступила к откладке яиц лишь в конце мая (30 мая 2007 в гнезде было 1 яйцо, 2 июня – 4, 3 июня – 5). 9 июня кладка варакушки была разорена наземным хищником, вероятно, узорчатым полозом *Elaphe dione*, ранее неоднократно наблюдавшемся недалеко от гнезда. Поздняя кладка в 2007 году связана, вероятно, с аномально низкими температурами в первой половине мая, особенно ночью, что замедлило рост и развитие растений.

Представленные материалы позволяют высказать предположение, что нетипичное гнездование варакушек на садово-дачных участках обусловлено запоздалым развитием растительности в обычных местобитаниях вида и более благоприятными защитными условиями в этот период.

Литература

- Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г., Лобачев Ю.Ю., Якушев Н.Н. 2002. *Животный мир Саратовской области: Птицы*. Саратов: 1-216.
- Laußmann H. 1992. Zum Wandel der Habitatwahl des Weißsternigen Blaukehlchens *Luscinia svecica cyaneacula* im Maintal // *Ornithol. Anz.* **31**, 3: 171-172.

Гнездование речной крачки *Sterna hirundo* в антропогенных местообитаниях поймы Нижней Оби

С. П. Пасхальный

Экологический научно-исследовательский стационар Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской Академии наук, ул. Зеленая горка, д. 21, г. Лабытнанги, Ямало-Ненецкий автономный округ, 629400, Россия.
E-mail: sps2006@yandex.ru

Поступила в редакцию 18 октября 2007

Речная крачка *Sterna hirundo* – обычный обитатель поймы Оби, распространённая вплоть до Полярного круга. За пределы речной долины этот вид не выходит. Поскольку большая часть пойменного ландшафта здесь деятельностью человека не затронута, речная крачка обитает почти исключительно в естественных условиях.

Однако у города Лабытнанги (66°40' N, 66°30' E) существует производственная территория, расположенная в пойме Оби. Она простирается вдоль 5-километровой насыпной дамбы с железной и автомобильной дорогами от протоки Вылпосл, протекающей у левого коренного берега реки, до русла Большой Оби, где расположен речной порт с системой подъездных путей, складские базы и вспомогательные сооружения. На правом берегу протоки Вылпосл ранее располагалось предприятие по трелёвке и разделке древесины из приводимых сюда плотов. Сейчас этот участок не используется и представляет собой пустырь, засыпанный древесными отходами и разным мусором. На большей части своего протяжения дамба проходит вдоль озёр и стариц. Несколько озёр и стариц есть и на территории порта.

Речные крачки в этом районе обычны и даже многочисленны. На берегах сорных озёр и на заливных лугах существуют колонии этих птиц. Крачки регулярно кормятся на водоёмах по окраинам дамбы, отдыхают на опорах и проводах ЛЭП. У небольшого моста через Вылпосл (водопропуск), где образуются сильные водовороты, регулярно кормятся десятки этих птиц.

В июле 2007 года мы установили несколько случаев гнездования речных крачек в местах, полностью изменённых человеком. Следует отметить, что в этом году уровень залития поймы был очень высоким, сохранялся до сентября, и площадь биотопов, пригодных для гнездования крачек, сильно сократилась.

12 июля 2007 в районе речного порта найдено гнездо с 2 яйцами. Размещалось оно на одном из островков системы искусственной песча-

но-гравийной отсыпки между железной дорогой и озером. В 100 м проходила автодорога с интенсивным движением транспорта. 16 июля гнездо оказалось пустым. Судя по всему, птенцы успешно вылупились, т.к. до 15 августа пара крачек здесь очень активно беспокоилась. В этом же районе держались еще 2 пары птиц, но они были менее агрессивны.

В другом районе порта на небольшом озере, расположенном между дорогами и застроенными участками, 15 августа 2007 обнаружены 5 крупных птенцов, 4 из которых сидели рядом друг с другом. Они прятались по краю растительности на искусственном островке из щебня, образовавшемся в центре водоёма. Таким образом, всего здесь гнездились не менее 3 пар крачек. Ещё одна пара птиц загнездилась на территории бывшей лесоперевалочной базы у Вылпосла. 9 августа 2007 на большой луже, частично заваленной брёвнами и разным мусором, держался один птенец размером почти с взрослую птицу, который прятался за плавающими в воде брёвнами.

Гнездование речной и полярной *Sterna paradisaea* крачек в антропогенных местообитаниях известно для разных районов их обитания (Шергалин 1992; Bruns 1979; Rittinghaus 1979).

В нашем регионе пока был установлен только один случай гнездования полярной крачки на насыпи железной дороги (Пасхальный 2004). Судя по всему, речные крачки в низовьях Оби, особенно при дефиците мест для устройства гнезд, регулярно гнездятся в разных нарушенных местообитаниях поймы.

Литература

- Пасхальный С.П. 2004. *Север, птицы, люди*. Екатеринбург: 1-333.
- Шергалин Е.Э. 1992. Гнездование полярных и речных крачек на крышах зданий в Таллинне // *Рус. орнитол. журн.* **1**, 1: 255.
- Bruns H. 1979. Zur nistokologischen potenz der kustenseeschwalbe (*Sterna paradisaea*) im arctischen brutgebiet // *Ornithol. Mitt.* **31**, 1: 3-19.
- Rittinghaus H. 1979. Beitrage zur öcologischen Potenz einiger Seeschwalbenarten (*Sterna albifrons*, *Sterna hirundo*, *Sterna paradisaea*, *Sterna sandvicensis*) // *Ornithol. Mitt.* **31**, 5: 99-119.

Анатолий Фёдорович Ковшарь (К 70-летию со дня рождения)

С.Н.Ерохов, Н.Н.Березовиков, А.П.Гисцов, А.С.Левин

Лаборатория орнитологии, Институт зоологии Центра биологических исследований
Министерства образования и науки Республики Казахстан, проспект Аль-Фараби, 93,
Академгородок, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: InstZoo@nursat.kz

Поступила в редакцию 2 апреля 2007

17 марта 2007 исполнилось 70 лет со дня рождения и 50 лет научной деятельности известного казахстанского орнитолога, заведующего лабораторией орнитологии Института зоологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, учредителя и главного редактора зоологического журнала «Selevinia», лауреата Государственной премии КазССР, доктора биологических наук, профессора Анатолия Фёдоровича Ковшаря.

Анатолий Фёдорович Ковшарь родился 17 марта 1937 в семье служащего в украинском городе Полтава. После окончания средней школы с 1954 по 1959 годы он учился на биологическом факультете Харьковского университета, который окончил с отличием, получив квалификацию биолога-зоолога. Уже в студенческие годы Анатолий увлёкся орнитологией и под руководством профессора И.Б.Волчанецкого участвовал в зоологических экспедициях. Уже тогда появилась его первая научная публикация о птицах Западного Кавказа.

По окончании университета Анатолий Фёдорович был направлен, по его просьбе, в казахстанский заповедник Аксу-Джабаглы. Там он вначале работал старшим научным сотрудником, а затем, до конца 1966 года – заместителем директора по научной работе. В этот период он активно изучал фауну и экологию птиц заповедника и прилегающих территорий. Результаты исследований опубликованы в 30 статьях, но главным итогом его плодотворной научно-исследовательской деятельности стала замечательная монография «Птицы Таласского Алатау» (1966), получившая высокую оценку орнитологов и отмеченная Почётным дипломом Московского общества испытателей природы. Спустя год после выхода книги, по её материалам, Анатолий Фёдорович успешно защитил кандидатскую диссертацию, научным руководителем которой был И.А.Долгушин. Именно профессор И.А.Долгушин и стал для него учителем в орнитологии.

С 21 января 1967 на протяжении четырёх десятилетий Анатолий Фёдорович трудится в Институте зоологии. Без преувеличения можно сказать, что переход из заповедника в лабораторию орнитологии Ин-

ститута стал важнейшим событием в его дальнейшей научной судьбе. В Институте зоологии он прошёл все ступени академического работника – от лаборанта до доктора биологических наук и профессора.

С 1968 по 1974 годы А.Ф.Ковшарь принимает активное участие в написании 3-5-го томов коллективной сводки «Птицы Казахстана», при этом в двух последних томах он выступал и как автор, и как ответственный редактор. За этот пятитомный труд, начатый основателем казахстанской орнитологии проф. И.А.Долгушиным и завершённый его учениками, авторам была присуждена Государственная премия Казахской ССР в области науки за 1978 год.

Написание и издание «Птиц Казахстана» потребовало много времени и энергии, но авторы сводки, в том числе и Анатолий Фёдорович, в эти годы, тем не менее, начали разрабатывать ряд новых направлений в изучении биологии и экологии птиц Казахстана – исследование сезонных миграций и экологических адаптаций птиц к условиям обитания. А.Ф.Ковшарь во главе группы орнитологов с 1967 по 1980 год изучал адаптации птиц, преимущественно воробьиных, к условиям высокогорья Северного Тянь-Шаня. Эти исследования завершились защитой им в 1980 году докторской диссертации на тему «Репродуктивные циклы птиц в субвысокогорье Тянь-Шаня». В это же время им были опубликованы две монографии: «Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня» (1979) и «Особенности размножения птиц в субвысокогорье» (1981). Первая из этих книг в 1980 году была отмечена дипломом Московского общества испытателей природы. В эти же годы он участвует в написании и редактировании первого выпуска Красной Книги Казахской ССР (1978).

В последующие годы в научной и организационной деятельности А.Ф.Ковшаря преобладающей стала природоохранная тематика. Возглавив в марте 1980 года созданную по решению Бюро биологического отделения АН КазССР лабораторию проблем охраны диких животных, он принимает активное участие в разработке и принятии первого Закона Казахской ССР об охране животного мира (1981), в написании и редактировании второго и третьего выпусков «Красной книги Казахстана» (1991, 1996). Сформированный состав новой лаборатории из числа увлечённых орнитологов, териологов и герпетологов под руководством А.Ф.Ковшаря превратился в дружный и работоспособный коллектив, который провёл масштабное изучение территориального размещения, численности и биологии редких и исчезающих животных Казахстана. Благодаря этому биология многих редких видов стала хорошо изученной, что позволяет планировать научно обоснованные мероприятия по их сохранению.

Сам Анатолий Фёдорович в эти годы много сил вложил в изучение журавля-красавки, серпоклюва, илийской саксаульной сойки и других

видов. Экспедиционные маршруты А.Ф.Ковшаря в этот период охватили обширные пространства казахстанских пустынь, включая Зайсан, Алаколь, Балхаш, Бетпак-Далу, Устюрт и Мангышлак. По материалам этих исследований, во многом благодаря усилиям Анатолия Фёдоровича, был издан ряд сборников научных статей. Среди них: «Редкие животные Казахстана» (1986), «Позвоночные животные Алма-Аты» (1988), «Редкие животные пустынь» (1990), «Редкие птицы и звери Казахстана» (1991), «Журавль-красавка в СССР» (1991). За активную и плодотворную деятельность А.Ф.Ковшарь неоднократно поощрялся руководством Института зоологии и Академии Наук Казахстана. В 1981 году «за выдающиеся успехи в выполнении заданий пятилетки» его имя было занесено в Золотую Книгу Казахской ССР.

Большой вклад А.Ф.Ковшарь внёс в развитие заповедного дела в Казахстане. Являясь председателем секции охраны наземных животных и секции охраняемых территорий Центрального Совета Казахского общества охраны природы, заместителем председателя комиссии «Научные основы заповедного дела в Казахстане» при Президиуме Академии наук республики в 1979-1992 гг., он многое сделал для организации новых особо охраняемых природных территорий, улучшения деятельности существующих заповедников и национальных парков, редактирования и издания научных трудов этих организаций. Целый ряд орнитологов, работавших в казахстанских заповедниках, благодаря его руководству и моральной поддержке, стали известными учёными.

Неустанное внимание Анатолий Фёдорович всегда уделял подготовке научных кадров. С 1976 по 1992 год на кафедре зоологии Казахского государственного университета им. Аль-Фараби он читал спецкурс «Орнитология», ряд студентов-выпускников тех лет избрали орнитологию своей профессией. Одним из важных результатов педагогической деятельности Анатолия Фёдоровича является также написанное и изданное им методическое пособие «Полевая практика по зоологии позвоночных. Птицы» (1985). Под его руководством защищено шесть кандидатских диссертаций, подготовлена к защите седьмая, а некоторые из его учеников готовят докторские диссертации. За вклад в подготовку научных кадров А.Ф.Ковшарю в 1993 году было присвоено учёное звание профессора.

После структурной реорганизации в Институте зоологии, с 1995 года и по настоящее время, Анатолий Фёдорович заведует лабораторией орнитологии. В этот нелёгкий для казахстанской зоологической науки период он возглавляет и активно участвует сам в работах по изучению важнейших мест обитания птиц в Казахстане – ключевых орнитологических территорий. При этом он ежегодно с юношеским энтузиазмом продолжает экспедиционные исследования в наименее изученных ме-

стностях республики и соседних стран. Результаты этих исследований нашли своё отражение в многочисленных публикациях Анатолия Фёдоровича. В настоящее время в его библиографическом списке более 400 научных и научно-популярных работ. Только за последние годы им изданы получившие большую известность в Казахстане и за его пределами книги: библиографическая сводка «Птицы Казахстана и сопредельных территорий» (2000), биографический справочник «Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век» (2003), энциклопедия «Птицы» (2006). Большой труд по подготовке и редактированию он вложил также в «Красную книгу Алматинской области» (2006), первую региональную Красную книгу в нашей республике. Особо необходимо отметить, что Анатолий Фёдорович издаёт единственный в Казахстане зоологический журнал «Selevinia», первый номер которого вышел в 1993 году. Издание этого журнала, известного всем зоологам Казахстана и соседних государств, осуществляется только благодаря неустанному труду и энтузиазму Анатолия Фёдоровича, его верности делу, которому он посвятил свою жизнь. Журнал выжил даже в самые тяжёлые времена безденежья, развала экономики и науки и в настоящее время превратился в солидное издание, аккумулирующее ценнейшие материалы по фауне Центральной Азии.

Анатолий Фёдорович Ковшарь широко известен не только как учёный, но и как талантливый популяризатор природоохранных знаний, автор и соавтор многих научно-популярных книг: «Певчие птицы» (1983), «Заповедник Аксу-Джабаглы» (1982), «Поговорим о птицах» (1984), «Мир птиц Казахстана» (1988), «Школьнику – о Красной книге» (1987), «Заповедники Казахстана» (1989), «Животный мир Казахстана» (2003), «По страницам Красной книги Казахстана» (2004), упомянутая выше детская энциклопедия «Птицы» (2006). Присущее его натуре стремление к сплочению единомышленников и энтузиастов, желающих участвовать в изучении и сохранении птиц, реализуется в настоящее время и в деятельности созданного в 2003 году по его инициативе «Союза охраны птиц Казахстана», объединившего многих профессионалов и любителей птиц и родной природы. В составе республиканской «Ассоциации сохранения биоразнообразия Казахстана» на счету «Союза охраны птиц» немало славных больших и малых дел.

Особо необходимо отметить большой вклад А.Ф.Ковшаря в развитие и укрепление творческого сотрудничества с орнитологами соседних с Казахстаном стран. Одним из важных результатов этой деятельности стал выход первого тома сводки «Птицы Средней Азии». История создания этой книги, растянувшаяся на 13 лет, уникальна и появление её в свет стало возможным только благодаря организаторскому и редакторскому таланту Анатолия Фёдоровича. И очень символично, что это событие произошло в канун его юбилея!

Научная, педагогическая и общественная деятельность Анатолия Фёдоровича Ковшаря, его эрудиция, неистощимое трудолюбие, жизненная энергия и оптимизм вызывают искреннее уважение и восхищение. От имени всех орнитологов на страницах «Русского орнитологического журнала» хотелось бы ещё раз поздравить Анатолия Фёдоровича со знаменательной датой – 70-летием со дня рождения и от всей души пожелать здоровья, счастья, семейного благополучия, творческого долголетия и успехов во всех делах!

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск 379: 1302-1303

Распространение грача *Corvus frugilegus* на севере таёжной зоны

Н.И.Асоскова, В.М.Константинов

Второе издание. Первая публикация в 1991*

Первые встречи грача *Corvus frugilegus* на юге Архангельской области относятся к середине XIX века (Вальнев 1880). Грач отсутствовал в большинстве таёжных районов этой и соседних областей, в том числе на Кольском полуострове и на севере Скандинавии, где его нет и в настоящее время (Gensbol 1987).

Продвижение грача на север происходило благодаря вырубке лесов, увеличению площади полей, транспортных магистралей, размеров и числа населённых пунктов в 1870-1890 годах. Вначале здесь были отмечены единичные особи (Плеске 1887; Гребель 1903), в начале XX века число встреч существенно возросло (Куликов 1913; Яблонский 1914; Поляков 1929). Грачи появлялись обычно небольшими группами в период оттепелей в конце марта, затем исчезали с наступлением похолоданий. В городе Архангельске грач начал гнездиться в 1930-х годах (Паровщиков 1941). В это время он гнезвился изредка в самом городе и отсутствовал в пригородах. Встречи грача на севере Архангельской области, по наблюдениям М.Я.Паровщикова, в 1932-1958 годах стали регулярными. В Архангельске и его окрестностях грачи появлялись обычно в конце марта – апреле; крайние даты появления грачей за 26-летний период: 24 марта 1954 и 24 апреля 1941. В последующие годы грач ещё продвинулся к северу (Успенский 1959), и в некоторых

* Асоскова Н.И., Константинов В.М. 1991. Распространение грача на севере таёжной зоны // *Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф.* Витебск, 2, 1: 33.

районах выходит за Полярный круг. В этих местах грачи гнездятся нерегулярно.

В таёжных районах к востоку от Архангельска продвижение грача к северу происходило медленнее, чем на западе области. Восточнее линии Архангельск–Мезень северная граница его распространения проходит по 60° с.ш. (Степанян 1990). В конце 1970-х годов грач гнездился в районе Ухты (Деметриадес 1983), встречался на Нижней Печоре и под Воркутой (Евстафьев 1986). Гнездование грачей на опорах ЛЭП отмечено в низовьях реки Оби, в окрестностях г. Лабитнанги (Бахмутов 1984).

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск 379: 1303

Встреча стерха *Grus leucogeranus* в приобской лесотундре

В.Н.Рыжановский

*Второе издание. Первая публикация в 2003**

На севере Тюменской области стерх *Grus leucogeranus* найден гнездящимся на болотах в бассейне реки Куноват. В пойме Оби отмечаются залётные особи. Группа из 4 птиц встречена в окрестностях Салехарда (Азаров 1977). В.Н.Калякин (1998) предполагает гнездование этого журавля в верховьях Ензор-яхи и междуречье Щучтей и Байдараты. 29 мая 1984 семь стерхов сделали круг над территорией нашего бывшего стационара «Харп», расположенного в 13 км от Лабитнанги, и пролетели дальше на север.

Литература

Азаров В.И. 1977. Встречи стерха в Северном Казахстане и Тюменской области // *Материалы 7-й Всесоюз. орнитол. конф.* Киев, 2: 188-189.

Калякин В.Н. 1998. Птицы Южного Ямала и Полярного Зауралья // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири.* Екатеринбург: 94-115.

* Рыжановский В.Н. 2003. Встреча стерха в приобской тундре // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири.* Екатеринбург: 146-147.